

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА ДУШАНБЕ КАК ТЕКСТА КУЛЬТУРЫ

УДК 003:82-21

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2025-156-76-86>

Наталья Евгеньевна ДВИНИНА-МИРОШНИЧЕНКО,
кандидат культурологии,
доцент кафедры культурологии,
Московский государственный институт культуры,
член Союза Московских Композиторов,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: nataljadvinina@rambler.ru

Николай Валерьевич МУМИНОВ,
магистрант кафедры культурологии,
Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: 8639146@mail.ru

Аннотация. В работе предпринята попытка рассмотреть трансформацию семиосферы современного города в аспекте ее влияния на процессы городской культурно-символической среды и вытекающих из этого метаморфоз жизни жителей данного города. Анализ охватывает период с середины XX века по настоящее время. Локализация предметов рассмотрения в данном исследовании ранжируется от стабильных составляющих к более подвижным и изменчивым. На небольшом отрезке времени поставлен вопрос о непростой «судьбе» города как с исторической точки зрения, так и с семиотической. Ракурс культурологического анализа выстроен через оценку локаций, и их тема разработана на эмпирике материального мира, а также затрагиваются вопросы, связанные с объектами нематериальной культуры, феноменами повседневности и этногеографическими составляющими выбранного региона.

Ключевые слова: семиосфера, городская культура, семиотика города, городская архитектура, идентичность города, урбанистика, символический капитал, Таджикистан, Душанбе.

Для цитирования: Двинина-Мирошниченко Н. Е., Муминов Н. В. Трансформация семиотического пространства города Душанбе как текста культуры // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2025. №1 (56). С. 76–86. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2025-156-76-86>

TRANSFORMATION OF THE SEMIOTIC SPACE OF THE CITY OF DUSHANBE AS A CULTURAL TEXT

Natalya E. Dvinina-Miroshnichenko,
CSc in Cultural Studies, Associate professor,
Department of Cultural Studies,
Member of the Union of Moscow Composers,
Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: nataljadvinina@rambler.ru

Nikolay V. Muminov,
undergraduate student
at the Department of Cultural Studies,
Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: 8639146@mail.ru

Abstract. The work attempts to consider the transformation of the semiosphere of a modern city in terms of its influence on the processes of the urban cultural and symbolic environment and the resulting metamorphoses in the lives of the inhabitants of this city. The analysis covers the period from the middle of the 20th century to the present. The localization of the subjects considered in this study is ranked from stable components to more mobile and changeable ones. In a short period of time, the question of the difficult «destiny» of the city has been raised, both from a historical and semiotic point of view. The perspective of cultural analysis is built through the evaluation of places, and its theme is developed on the empirics of the material world, and also addresses issues related to objects of immaterial culture, everyday phenomena and ethno-geographic components of the selected region.

Keywords: Semiosphere semiosphere, urban culture, city semiotics, urban architecture, city identity, urban studies, symbolic capital, Tajikistan, Dushanbe.

For citation: Dvinina-Miroshnichenko N. E., Muminov N. V. Transformation of the semiotic space of the city of Dushanbe as a cultural text. *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts.* 2025, no. 1 (56), pp. 76–86.
(In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2025-156-76-86>

Ландшафт, архитектура, предметный мир, несущие определенные признаки времени, выявляют внутренние интенции культуры. Текст города может включать разные компоненты. В данной статье семиосфера города рассматривается на примере Душанбе.

Столица современного Таджикистана выросла из крупного селения, которое находилось на перекрестке торговых и географических путей. Название Душанбе получило от того обстоятельства, что в этом когда-то небольшом поселении по понедельникам был рыночный день, и кишлак так и назывался Душанбе – «понедельник» (тадж.). Городом и сразу же столицей Душанбе стал в 1925 году в процессе сложнейшего национального межевания средней Азии и выделения ТАССР, а затем и ТССР. Столица новой республики была основана на границе двух субкультур таджикского народа, разделённых Гиссарским хребтом и различающихся настолько же сильно, как, например, белорусы и русские. Помимо этого крупного разделения и иногда явного антагонизма «северных» и «южных» таджиков, сложный

рельеф местности страны предполагал огромное количество локальных культурных обществ, что было характерно для всего персоязычного массива Ирана, Афганистана и Таджикистана. Одной из главных объединяющих сил внутри ареала является общая для всего этого ареала персидская литература и язык. С уверенностью можно сказать, что этот город обладает не одной, а несколькими стратами пограничности, так хорошо описанными Ю. Лотманом [5, с.191]. Помимо очертаний регионально-культурных границ, город разделяется на понятийные сферы, такие как «прошлое – настоящее» (советское – независимое), «традиционное – инновационное», и даже в ландшафтном плане: горы – долина. По большому счёту, в семиотическом плане город – это идея границ, их компиляция на разных уровнях взаимодействия: границы-шлюзы и границы-барьеры.

Город как феномен – древнее изобретение цивилизации, образно говоря, «сосуд» для наполнения и смешения идей и людей. Если говорить о первом виде смешения, имея в виду языки, можно привести в пример мысль из книги «Искусство ислама»: «Именно в городах языки ветшают, изнашиваются, подобно вещам, которые они обозначают» [1, с. 55], если считать, что вещи – это референты идей, а слова – их знаки.

Как уже было сказано, Душанбе находится в самой высокогорной республике Центральной Азии, на склоне Гиссарского хребта. Горы – это то, что постоянно издалека, иногда из дымки перспективы, нависает над городом с его архитектурой, парками, людьми и городской суетой. Горы – главная черта Душанбе: сверхобъекты, в которые постоянно упирается взгляд, не давая ему провалиться в небо и запрещая горизонт. Горы – тот природный знак, который невозможно превзойти, в данном смысле можно было бы апеллировать семиотическим принципом запрещения удвоения мира. Кораническая сура «Аль мульк» [2, с. 327] во втором стихе хорошо описывает невозможность эстетической критики богосозданной природы на примере неба. Горы как часть космоса и местооощущения таджиков, возможно, совсем незаметны для местных жителей, как незаметен кислород здоровому дышащему человеку. Кроме своей образности в прихотливо-случайном формировании линии ландшафта, наличие высоких гор несет в себе небольшой образный (на этот раз не иконический [6, с. 79], а символический) знак-парадокс: почти в любое жаркое лето из города виден снег на вершинах гор: некая «открытка» вечной весны.

История города начинается в конце 20-х годов XX века. Большая советская и национальная стройка развивалась на фоне вышеупомянутого национального межевания республик, при котором древние жемчужины городской культурной жизни таджиков – такие персоязычные города как Самарканд и Бухара – были оставлены соседней республике. Самим актом формирования нового национального центра древнейшему и ультраконсервативному народу был навязан отказ от традиции во всей ее пол-

ноте. Новый город обещал советские идеалы, специфическую интенцию к развитию, достаточно искренний оптимизм, тем не менее, Сталинабад (так город назывался при Сталине) украшался классицистскими зданиями, с определенным «местным» ориентальным оформлением. Так, достаточно ординарные для сталинского времени присутственные места обязательно украшались стрельчатыми мусульманскими сводами, на зданиях институтов можно увидеть медальоны-барельефы с изображением великих русских писателей вперемежку с персидскими поэтами.

Необходимо отметить, что старый имперский посып, в котором оформлен первый пласт архитектуры «присутственных мест» Душанбе, стилистически сопоставим с колониальной архитектурой Британской Индии и предъявляет игру в местную культуру.

Для этого же времени характерен феномен перехода на кириллицу с латиницы для таджикского языка, а до этого – с традиционной арабской письменности на латиницу. В акцидентной своей форме, в основном на вывесках, кириллица появлялась часто стилизованной под арабское письмо, русское написание чаще всего также было стилизовано. Очень примечательно то, какой адресат был для этого ориентального декора: большая часть населения Душанбе всего советского периода – это специалисты из разных республик Союза, в основном русскоязычные.

Второй пласт архитектуры города это, конечно же, так называемые «хрущевки». В 50–60-е годы XX века по всей стране прошел мощный импульс развития городов. В Душанбе также строились типовые кварталы, однако нормы строительства в Средней Азии отличались от принятых стандартов в среднерусских городах. Этот период оставил большое количество профилированных прозрачных бетонных панелей, которыми визуально облегчались подъездные пролеты и иногда технические помещения. По сути, феномен прозрачной стены, которая ограждает, но не запрещает, очень характерен для исламского искусства, а теплый климат подразумевает реализацию таких архитектурных приемов.

Для описания последующего этапа развития архитектуры необходимо рассмотреть некоторые памятники общественного градостроительства, например, такие как концертный зал «Кохи Борбад» – на этот раз брутalistский и абсолютно нетипичный для традиционной культуры. Напротив, объекты общепита, такие как чайхана «Роҳат» или «Фарогат», являются примером того, как произведения архитектуры становятся семиотической границей, в данном случае в знаковом языке исламского и конструктивистского.

К сожалению, многие примечательные памятники советского периода уже утрачены или находятся на грани уничтожения в связи с развитием страны в начале XXI века. Эта стилистическая реструктуризация города является только одной из травм, которую пережил город за свою короткую историю.

Перерыв в развитии с советских времен по настоящее время обрисовывает пропасть 90-х годов, когда республику потрясла кровавая гражданская война. Видимых шрамов войны, таких как, например, руины разрушенных зданий в Волгограде или следы обстрелов в Сараево, здесь, конечно, нет: таджикское самосознание слишком витально, чтобы стремиться оставлять в своем багаже память о взаимном неприятии людей и расчеловечевании. Травма войны сохранена в людях, в их разговорах; предметный мир города молчит о прожитом зле.

Производным знаком войны стало изменение национального состава города, миграция русскоязычного населения в Россию и последующее преобладание коренного населения.

Процесс стихийной национальной коренизации столицы в 90-е годы охарактеризован еще одним интересным феноменом – возведением новых стихийных кварталов на окраине города. В данном контексте «новый» отнюдь не означает «современный», принцип формирования таких пространств соотносится с опытом развития средневековых городов Центральной Азии [7, с. 117]. Процесс освоения города по своей динамике близок описанию освоения окраин Стамбула в романе «Мои странные мысли» Орхана Памука. Данные кварталы (махалля) состоят из частных домовладений, объединенных в соседские общины. Главный принцип таких объединений, помимо решения бытовых задач, это, прежде всего, порядок распределения воды для орошения земли. Районы с такой застройкой находятся на окраине города, вдали от суеты транспорта. Таким образом, ритм города «остывает» ближе к своим окраинам. Эти территории обладают нативной теплотой, материальностью, уютной и недосказанной красотой; в народе принято в шутку называть такие окраины «Афганистаном». Такие районы могут рассматриваться как вернакулярная архитектура: они никаким образом не соотносятся с генеральным планом города, генезис этой архитектурной среды состоит прежде всего в стихийном характере ее возникновения. Такая местность максимально точно отражает местные традиции строительства, связанные с выбором строительного материала и технологии. В большей степени в такой застройке применяются нативные технологии – для строительства в основном применяется саманный кирпич, который доступен и экономичен. Из-за широкого употребления глины в строительстве при ближайшем рассмотрении эта архитектура обладает такой эстетической особенностью как материальность, в противовес синтетичности бетона, мрамора и асфальта в центре города; здания в таких районах органично вписаны в ландшафт окраин. Ритмы жизни в этой части города строго отрегулированы социальными связями соседской общины, национальными традициями и даже религиозными требованиями. Так, например, нежелательным является строительство зданий, из которых за счет этажности можно видеть соседский двор. Неприкосновенность частной жизни мусульман и непроницаемость

границ между «личным» и общественным, мужским миром социума и женским миром дома соблюдаются достаточно строго. В связи с такими строгими требованиями к этажности такие районы обычно имеют характерный вид средневекового мусульманского города, за исключением описанной выше стихийности в планировке участков. Немаловажно уточнить, что застройка такого типа способна к эволюции и адаптации к современным требованиям жизни. С течением времени такие районы подключаются к коммунальной и социальной инфраструктуре города, не приобретая от него изменений в планировке. Вернакулярная архитектура Душанбе парадоксальным образом развивается с окраин навстречу регулярной архитектуре центра. Неочевидным и немаловажным аспектом в формировании общего вида таких кварталов является его генезис: участки домохозяйств формируются по направлению и распространению водных артерий – арыков. Таким образом, с окрестных гор или из иллюминатора самолета такая застройка выглядит как развивающаяся биологическая структура, напоминающая прожилки листа или корни дерева.

Современная архитектура таджикской столицы обозначает своим видом оптимистическое и демонстративное желание быть не хуже других. Объектом почитания для горожан являются разбогатевшие на нефти арабские страны, особенно ОАЭ. Очень часто после открытия очередного невероятно помпезного архитектурного дворца можно услышать ссылку на объект национальной зависти: «Не хуже, чем в Дубае».

Эти инсайды внутри текста города – по сути повторения советско-сталинской традиции, классицизма с богатой эклектической составляющей, с тем отличием, что теперь такие объекты не обладают теплотой и камерностью советских институтов и министерств, они огромны, несопоставимы с человеком, вульгарно-пышны. Наравне с исламской эклектикой там вмешаны древнеиранские элементы как попытка обрести новую кодификацию. Портреты главы государства присутствуют почти на каждом административном здании. Речь идет о таких зданиях, как дворец Кохи Навруз, Президентский дворец, Национальный Музей Республики, флагшток с национальным флагом, некоторое время бывший самым высоким в мире, и Соборная мечеть – самая большая в средней Азии.

Для иллюстрации этой черты современной культуры города можно привести цитату Толстого из «Смерти Ивана Ильича»: «В сущности же, было то самое, что бывает у всех не совсем богатых людей, но таких, которые хотят быть похожими на богатых и потому, только похожи друг на друга» [3, с. 61].

Потребность в подобном использовании знаков самовыражения, полемике с метрополией посредством архитектуры характерна для многих бурно растущих на обломках империй городов. Эта черта роднит Душанбе с Грозным и Скопье.

Помимо вышеперечисленных «кричащих» архитектурных достижений, в современной архитектуре Душанбе есть яркие примеры эстетизированных объектов архитектуры. Это, в первую очередь, Культурный центр исмаилитов, построенный благотворительным фондом Ага-Хана, покровителем и духовным лидером памирских народов, проживающих на востоке страны. Здание находится в центре города, в районе Комсомольского озера. Объект органично вписывается в среду территории, на которой он расположен, это почти японский парк, стиль здания отсылает к иранской пустынной архитектуре. Но что наиболее ярко выделят это здание из всех культовых сооружений города – это невероятная материальность и органичность; материальности уделено большое внимание: кладка из сделанного вручную кирпича, которая сближает это современное по архитектуре здание с традиционными постройками, сад, входная группа с водным каскадом.

Помимо общественных зданий, развивается и жилищная архитектура. Среди прочих визуальных элементов в жилищном строительстве это барочные украшения-наличники. Декор барокко пришелся по душе исламскому искусству, его эстетические идеи радушно восприняты еще в османской архитектуре. Барокко – век недосказанностей; в данном контексте декор барокко – индекс по классификации знаков Ч. Пирса. Украшающий элемент в барочной эстетике ничего не обозначает, кроме того, чем является сам, не имея заряда дополнительных значений.

Следующий текст города – это садово-парковое искусство. Душанбе называют городом тысячи платанов. Густая листва надежно укрывает центр города от палящего солнца, придавая свету зеленый оттенок и атмосферу камерности. Помимо платанов, в городе много клумб с розами. Очень интересно, каким образом высаживается это прихотливое растение. Это не какие-то оформленные по цвету и форме клумбы, а стихийные, будто дикорастущие, заросли, локализованные в клумбы. Роза – это особый знак, он считается издалека и не требует дополнительного оформления в пространстве – символическое воплощение любви, женственности и поэзии. Складывается впечатление, что подчинить это растение каким-то правилам садового искусства было бы кощунством по отношению к тому, что и раскрывает образ этого цветка. Очевидно, что садово-ландшафтная культура центральной Азии имеет свой генезис и замечательные формы воплощения, и не всегда этот эстетический опыт и навык коррелирует с образцами европейских садов.

Мир одежды – еще один значимый аспект городской культуры. Город пестрит национальной одеждой, прежде всего женской. Невероятный формализм традиционной культуры, на первый взгляд, не оставляет возможностей для реализации индивидуальности посредством костюма, однако декор открывает невероятные возможности для реализации агоально-игрового движения, называемого модой [11, с. 267]. Контрастные сочетания круп-

ных пятен на платьях, стразы, яркий макияж, обилие золота напоказ – все это обеспечивает почти карнавальную атмосферу. Для неподготовленного зрителя женские платья выглядят однотипно на первый взгляд, они в достаточной степени соотносятся с требованиями традиций ислама, однако в этом узком диапазоне для возможностей, коим является мусульманская одежда, местные модницы умудряются канализировать креативность в какие-то мельчайшие детали. Мужская одежда более информативна: вышивка на тюбетейке рассказывает, из какого региона ее обладатель. Костюм-двойка носим обычно учителями, преподавателями вузов, врачами или другими представителями городской интеллигенции. Мужчина в Душанбе больше вовлечен в социальные процессы, как и везде в мусульманском мире, поэтому мужской костюм в большей степени и более конкретно характеризует своего владельца. Костюм-двойка в Таджикистане называется «костюм-брюк» (насмешливо по-русски), этот местный среднеазиатский термин соответствует южноазиатскому типу одежды «шальвар-камиз», издревле широко распространенному в соседнем Афганистане, Пакистане и Индии.

Необычайно ярко знаковая среда города раскрывается в периоды праздников. Главным образом это происходит во время весеннего цикла праздников, который открывает иранский новый год – навруз. Навруз празднуется в конце марта, проходит на фоне ярких гуляний на улицах и площадях. Этот праздник артикулирует собой все возможные достижения национальной традиции, так же как и на рынке «явочном» образом на свет выходят из домашнего закрытого пространства феномены традиционной культуры: танцы, домашняя национальная кухня, музыка, национальная праздничная одежда, вышивка. Достаточно уверенно можно предположить, что навруз в целом – это экспликация знаков, символов женского мира, всего самого прекрасного, что он дает вовне. Главным символом навруза являются красавицы в национальной одежде, которые выбираются на эту роль каждый год; девушки олицетворяют образ весны и невесты. Женский образ праздника олицетворяет плодородие природы и весенний период сельскохозяйственного цикла. Кроме навруза в весенний круг праздников, нарушая семиотические границы, входят привитые с советских времен праздники этого периода: восьмое марта и девятое мая. Цикл весенних праздников сопровождается состязаниями: борьбой «гуштин» и скачками «буз-каши». Состязания начинаются во время навруза и заканчиваются девятого мая, они проходят преимущественно в сельской местности на лоне природы. Такие состязания в знаковом срезе являются, так же как и гуляния на наврузе, своего рода открытыми смотринами, только уже мужского населения. Таким образом, весна – время противопоставлений и соединения женских и мужских качеств в их рафинированном виде. Период совершения свадеб, как итог этих смотрин, относится к сентябрю, за летнее время молодые могут не только «примелькаться» в обществе, но и осуществить сложнейшую

и многоуровневую процедуру сватовства. Праздники, относящиеся к исламскому календарю, скорее почитаются больше, чем вышеописанные, однако проявляются более сдержано. Для истинного мусульманина существует лишь два праздника – Курбан-байрам и Рамадан. Символическая среда ислама аниконична; о таких праздниках говорит только активное вовлечение населения, значение и торжественность праздничной молитвы, бесконечные походы в гости. Обилие еды и запах ее приготовления по всему городу – одни из самых ярких знаков в эти периоды вместе с призывом муэдзина.

Было бы некорректно упустить основополагающий и созидающий компонент любого города: речь, прежде всего, может идти о его экономической составляющей. Без этого аспекта город вовсе не может мыслиться как сверхдом [9, с. 136]. В короткой и полной событиями жизни столицы Таджикистана символическим отражением ее экономического смысла являются огромные базары. Производство и торговый обмен – как основной экономический стержень формирования общежития людей – выразился в Душанбе наиболее интересным способом: если в советскую эпоху развивались производства, прежде всего текстильное и пищевое, то на современном этапе можно наблюдать очередной поворот в сторону традиции. Город осмысляется городом, прежде всего, за счет торговли, нежели за счет производств или развлечений. Рынки, такие как «Корвон» и «Саховат», занимают колоссальные площади, являясь органом коммуникации и просто «явки» горожан. Рынок, как большой мультифункциональный инструмент, эвристически расшифровывает потребности горожан в живом режиме и ежедневно. Базар – стихийное явление, наполненное разнообразными знаками, такими как крики конкурирующих торговцев, запахи местного фастфуда; товарами, не типичными для розничной торговли, в лавках народной медицины, или хозяйственной утварью, типичной для ведения народного быта. Рынок может вместить в себя все функции, которые только потребуются: здесь и еда, и кров. Крупные Рынки Душанбе – новшество девяностых годов, но при этом это явление традиционного уклада городов средней Азии. С этими «гигантами» резко контрастируют феномены общего порядка советской эпохи, такие как «Зеленый базар» (официально «Колхозный рынок» закрыт в 2017 году), компактный, находящийся в центре города маркет. Конtrast заключался в более высоком «ценнике» на продукты, направленности в основном на туристов, меньшей «стихийности». «Зеленый» в символическом срезе означивал себя всеми формами как личную традицию, привычку одной жизни конкретных людей которые живут в Душанбе с советских времен. В этой точке рассмотрения пересекаются проблемы символического переживания общества и личности. Во временном контексте новация отстает от традиции, что на первый взгляд парадоксально; структурные механизмы нового национального общества возродили средневековые формы общежития (махала) и стихийные рынки с их многокомпонентностью, внутренней

регуляцией и иерархией, при этом «цивилизованные» модели торговли и жизни в социалистическом изводе замещаются вышеупомянутыми моделями. Стык культур приводит порой к индивидуальному напряжению, переживанию через личный опыт, однако эти проблемы нормальны в данной ситуации [4, с. 58].

Наряду с экономической составляющей, хотя не в той же интенсивности, Душанбе живет своей политико-символической жизнью. Интересный пример представляет собой изменение текста города при помощи смены памятников. Так памятник Ленину на одноименной площади заменен на памятник правителю средневекового персоязычного царства – Исмаилу Сомони. Национальная память пытается выявить и обозначить в материале только самые значимые события и персонажи в истории. В этом смысле история – это наименование всего видимого [10, с. 164], но при этом значимого видимого. Кроме перемен с памятниками меняется топонимика, но старожилы и в этом случае пользуются старыми названиями.

Рассмотрение Душанбе в семиотическом аспекте выявляет внутреннюю интенцию города – воплотить мечту, осуществить «символические прихоти». В этом плане генезис метатекста Душанбе, если не касаться особенностей визуально-прикладного материала, схож с метатекстом крупных городов, в частности Санкт-Петербурга [8, с. 22]. Тем не менее прикладной материал семиотики этих городов различен: название Душанбе не несет в себе памяти о его создателе; кроме того разница климатических условий образует различия и в визуальных рядах знаков. И все же оба текста обобщены движением к новому, к преодолению границ и обогащению новыми смыслами.

В Душанбе ритмы простой бытовой жизни, которые в большей степени соотносятся с древней культурой, более стабильны по сравнению с тектоническими историческими событиями: метатекст города не стремится поддержать визуальную память о войне и остался почти не подвержен западным культурным влияниям. Устойчивость национальной идентичности отражена в повседневной культуре города, в частности в специфике архитектуры, моде, традиционных формах национальной утвари, в сохранении старых названий улиц и архитектурных объектов.

Список литературы

1. Буркхардт Т. Искусство ислама. Язык и значение. Таганрог: Ирби, 2009. 286 с.
2. Коран. Москва: Маджесс, 1990. 368 с.
3. Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. Москва. 1950. 177 с.
4. Леви-Стросс К. Узнавать других. Антропология и проблемы современности. Москва: Текст, 2016. 158 с.
5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва: Языки русской культуры. 1996. 464 с.

6. Пирс Ч. Начала прагматизма. Санкт-Петербург: Лаборатория метафизических исследований философского факультета Санкт-Петербургский государственный университет; Алетейя, 2000. 320 с.
7. Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича Собрание сочинений в двенадцати томах. Том XI. Москва: Изд-во «Правда» Москва 1984. с. 42–97
8. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. Санкт-Петербург.: «Искусство – СПб». 2003. с. 22–28.
9. Орtega-и-Гассет Х. Избранные труды. Москва: Издательство «Весь Мир» 1997. 704с.
10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Санкт-Петербург: А-сад, 1994. 407 с.
11. Хёйзинга Й. Человек играющий. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха. 2011. 416 с.